

ности Советского государства, а также стал основным средством исправления осужденных в 1917 – начале 1930 годов.

1. Государственный архив Свердловской Области (ГАСО). Ф. р-8. Оп. 1. Д. 10. Л. 41.
2. Там же.
3. ГАСО. Ф. р-1568. Оп. 1. Д. 11. Л. 149.
4. ГАСО. Ф. р-8. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.
5. Там же. Л. 43.
6. Там же.
7. ГАСО. Ф. р-1568. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.
8. ГАСО. Ф. р-8. Оп. 1. Д. 1. Л. 101.
9. ГАСО. Ф. р-149. Оп. 1. Д. 102. Л. 47.
10. ГАСО. Ф. р-1568. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.
11. Собрание Узаконений Рабочего и Крестьянского Правительства (СУ). 1919 г. № 20. Ст. 235.
12. СУ. 1921 г. № 39. Ст. 403.
13. ГАСО. Ф. р-1568. Оп. 1. Д. 20. Л. 13.
14. ГАСО. Ф. р-258. Оп. 1. Д. 320. Л. 2.

Побережников И.В.
(Екатеринбург)

Пространственные аспекты российских модернизаций

Модернизационный подход применяется с целью объяснения российского исторического процесса. Предприняты попытки определения специфики российских модернизаций, нашедшие, в частности, отражение в формулировании их моделей («имперская модель» (1), модели «консервативной» (2), «рецидивирующей» (3) модернизации, «псевдомодернизации» (4), «контрмодернизации», «деархаизации» (5) и т.д.).

Широкое распространение получили оценки российской модернизации как не органичной, преследующей цель догнать более развитые общества, характеризующейся циклизмом, рецидивирующей природой, прочной связью с традицией. Существенное внимание уделяется роли государства, которое обычно трактуется как инициатор, наиболее активная и сильная общественная структура (6). Получили разработку проблемы соотношения модернизации и имперского строительства, модернизации и революции в России, воздействия политики модернизации на отдельные периоды российской истории и т.д. (7).

Поскольку классический модернизационный анализ был сфокусирован на национально-страновой уровень, постольку именно страна выступала в качестве основной аналитической единицы в большинстве модернизацион-

ных исследований, в частности, в работах, базировавшихся на компаративно-исторической методологии. Гораздо меньшее внимание уделялось суб-страновым аспектам модернизации, недостаточно исследованными оставались пространственно-региональные аспекты модернизации.

В определенной степени данная оценка может быть отнесена и к современным отечественным исследованиям российских модернизаций. Немногочисленные, зачастую постановочные, работы по данной проблематике лишь подтверждают указанный историографический (8).

Между тем, применительно к российской истории пространственное измерение требует самого пристального внимания. Во-первых, пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Как подчеркивает историк В.Э. Лебедев, положение России между Европой и Азией превращало страну в цивилизационный «котел», переваривавший в различной мере и формах многообразное, противоречивое воздействие Запада и Востока (9).

Еще одно важное измерение месторасположения страны – соседство, пограничность Леса и Степи. Со времен раннего средневековья больших усилий от страны требовало противостояние «степной» угрозе. По мере расширения территории страны возрастала потребность в обороне преимущественно открытых границ, в организации контроля над обширными пространствами. Находясь во враждебном окружении, страна постоянно вынуждена была доказывать свое право на существование, на суверенитет. В связи с этим политические процессы обгоняли экономические – достаточно сильное централизованное государство, необходимое в условиях низкой плотности населения, особенно на окраинах, и небольшого по объему прибавочного продукта для обеспечения обороны от внешней агрессии, независимости, сложилось относительно рано, не имея адекватной экономической основы. Раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства, накопившего длительный опыт централизованного бюрократического управления в противостоянии внешним угрозам, имело серьезные последствия для динамики и характера начавшейся позднее модернизации. Именно традиционалистские правительства обыкновенно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений.

Раннее складывание сильного государства обусловило высокую степень централизации государственной администрации, в том числе институтов, отвечавших за разработку и проведение хозяйственной политики. Догоняющая природа российской модернизации, ее мобилизационный характер лишь усиливали роль централизованного государственного аппарата, осуществ-

лявшего контроль за трудовыми отношениями, проведение политики таможенного протекционизма, занимавшегося созданием корпораций и ряда монополий (10).

Неизменное доминирование политических целей над хозяйственно-экономическими как следствие специфического пути развития, обусловленного в конечном счете географическими факторами, сохраняло силу и в контексте российских модернизаций. Показательно, что в ежегодном всеподданнейшем докладе министра финансов в 1903 г. С.Ю. Витте, касаясь распределения ограниченных бюджетных средств, ставил вопрос о том, какая же потребность всего настоятельнее для государства: «Очевидно та, удовлетворение которой обеспечивает самое существование государства, его внешнюю неприкосновенность. Для этой цели население несет личную повинность и уплачивает большую часть налогов, получая взамен неоценимое и несоизмеримое ни с какими материальными благами сознание того, что под державным руководством своего Верховного Вождя каждый из верноподданных Вашего Величества, его семья, имущество и вся родная земля находятся в безопасности от внешнего врага... Мы состоим под действием железного закона — обращать на удовлетворение культурных потребностей лишь то, что остается после покрытия расходов на оборону страны» (11).

Во-вторых, колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее секторов.

Указанные обстоятельства, способствовавшие складыванию обширного внутреннего рынка, объективно создавали предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие. Россия по существу представляла собой, по терминологии Ф. Броделя, мир-экономику, т.е. самодовлеющую структуру, которая «затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» (12). Вследствие того, что Россия представляла собой мир-экономику со своим собственным институциональным порядком, взаимодействия с другими мирами-экономиками были чреватые для нее значительными транзакционными издержками, которых она, естественно, стремилась избежать.

В то же время огромные пространства затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать данное обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, поскольку транспортный фактор имел решающее значение для становления современного индустриального общества. Поскольку организация рыночной инфраструктуры в определенном смысле есть покорение про-

странства, постольку для России, в силу ее территориально-климатических условий, данный процесс был в значительной степени заторможен.

Низкая плотность населения и наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавали предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах (13). Еще В.О. Ключевский заметил: «История России есть история страны, которая колонизируется. ... Так переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты» (14).

Освоение новых пространств как ведущий региональный процесс сблизило Россию с переселенческими странами, расширяло поле регионализма за счет разнообразия территорий и взаимодействий и, в то же время, замедляло рост регионализма в силу своей незавершенности и подвижности (15). Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов, таких как урбанизация, индустриализация и т.д.

Необходимо также учитывать то, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, что в плане торговли способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда (16).

Определенное воздействие на экономику и динамику социальных отношений оказывали суровые природно-климатические условия страны (холодный, засушливый континентальный климат), мало благоприятные для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний. Так, по мнению Л.В. Милова, следствием низкого естественного плодородия почвы и недостатка в силу климатических условий рабочего времени являлись невысокий уровень производительности труда и агротехнической культуры, что повлекло учреждение крепостнического режима как механизма распределения и перераспределения небольшого по объему прибавочного продукта, укрепление государства – гаранта крепостнической системы, а также длительное сохранение общинных форм жизнедеятельности среди крестьян, обеспечивавших солидарное поведение последних в хозяйственной, социокультурной и прочих сферах (17).

Впрочем, недостаточно благоприятные природно-климатические условия могут стимулировать и интенсификацию труда, создавая, таким образом, предпосылки для социального и экономического прогресса. В литературе уже обращалось внимание на отсутствие жесткой зависимости между природно-климатическими условиями и уровнем социально-экономического

развития, что ярко иллюстрируется хозяйственным и социальным прогрессом, достигаемым в неблагоприятной географической среде, и, наоборот, стагнацией или регрессом в экологических нишах, вроде бы запрограммированных на противоположный результат (18).

В-третьих, пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. С одной стороны, Россия характеризовалась меньшим разнообразием природно-климатических условий по сравнению с Западной Европой (мозаично-дробная структура которой создавала материальные предпосылки для существования относительно небольших государств, обладающих большой хозяйственной вариативностью на малых площадях), четкой, широко скроенной сферой «флагообразного» расположения географических зон, «континентальностью», т.е. целостностью и неразбросанностью приобретенной территории. С другой же стороны, колоссальная территория России, ее природная вариативность, сложный исторический характер формирования странового пространства, существенная роль миграций, колонизации, смещения и чересполосного расселения народов в складывании этносоциальной структуры предопределили становление достаточно сложного территориального каркаса (19). Исторически складывавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения, наиболее важными из которых являлись северный, восточный и южный, регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Это означает, что процессы модернизации нельзя исследовать абстрагируясь от пространственных характеристик, исходя из гипотетического представления о гомогенности пространства. Напротив, следует учитывать территориальную неравномерность распространения волн модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных subprocessов, таких как индустриализация, урбанизация, бюрократизация, профессионализация, складывание своеобразной региональной структуры модернизации, включающей пространственные центры и периферию развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождающиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и реакциями периферии, способными адаптировать или гасить подобные импульсы.

Процессы модернизации имели не только временное, но и пространственное измерение. Они приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития на момент начала ускоренного роста, специфики национального менталитета и т.д.

Уделив существенное внимание пространственному измерению исторического процесса, мы не склонны при этом абсолютизировать влияния природно-географических условий на человека и общество, трактовать в духе географического детерминизма акты человеческого поведения как элементарные реакции на раздражители, источником которых выступали климат, почвы, рельеф, растительность и тому подобное и стремиться к выведению глубинных корней любого компонента человеческой деятельности по цепочке причинно-следственных связей из условий природного окружения.

Мы рассматриваем человека в качестве активного элемента исторического процесса, а окружающую среду — в качестве арены, предоставляющей различные варианты для его деятельности. Данную мысль, обоснованную сторонниками географического posibilизма, можно подкрепить ссылкой на мнение историка А.К. Соколова по поводу исторического характера сложившихся в стране к началу XX в. экономических районов: «каждый экономический район одновременно был понятием историческим, уходящим в глубину веков и вбирающим в себя опыт предшествующих поколений, связанный со способами расселения людей, природопользованием, организацией хозяйства, разделением труда, социальными отношениями, формами административного устройства, самоуправления жителей и т.д. Существует историческая преемственность и взаимосвязь между районами, которая позволяет рассматривать историко-географический процесс в единстве и целостности составляющих его частей» (20).

1. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 36—40; Он же. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С.Ахизера) // Вопросы философии. 1993. № 5; Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 68; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 47.
2. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
3. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999.
4. Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. University of Helsinki, 1997. P. 12—13.
5. Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. № 3; Он же. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998.
6. См.: Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М.: Наука, 2000; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1—2; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модерни-

- зация. М., 1999; Лейбович О.Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153—165; Она же. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX – начала XX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 11. М., 2005. С. 151—158; Она же. Экономическая модернизация России XIX – начала XX в. (теоретико-методологический аспект) // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции, г. Гусь-Хрустальный, 26—27 июня 2006 г. Саранск, 2006. С. 4—8.
7. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5; Алексеев В.В. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции. Саранск, 2005. С. 27—33; Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.
8. Опыт российских модернизаций XVIII—XX века; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург—Лувен, 1997; Соколов А.К. Природно-демографические факторы в российской истории и вызовы современности // Этот противоречивый век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. М., 2001. С. 31—53; Наумова Г.Р. Вся Россия (региональный подход к истории народного хозяйства) // Россия на рубеже XIX—XX веков. Материалы научных чтений памяти проф. В.И. Бовыкина. М., 1999. С. 186—197; Власов А.В. Проблема индустриального развития регионов и роль государства в этом процессе (на примере русского севера) // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». № 2. М., 1997; Керов В.В. Региональный аспект в изучении истории российской промышленности // Там же; Наумова Г.Р., Никонов А.В. Национальный фактор в индустриализации регионов // Там же.
9. См.: Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Российская история: модели измерения и объяснения. Екатеринбург, 2005. С. 442; Также см.: Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М., 2003; Мир России – Евразия: Антология. М., 1995; Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. М., 1993; История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов. СПб., 2002.
10. См.: Алексеев В.В. Промышленная политика как фактор российских модернизаций (XVIII—XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII—XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 6—14.
11. Цит. по: Дроздова Н.П. Неоинституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса // Экономическая теория на пороге XXI века – 2. М., 1998. С. 694.
12. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1922. Т. 3: Время мира. С. 14.
13. Впрочем, в современной литературе предложен и другой подход, согласно которому ход российской истории подчинялся циклическому механизму нарастания демографического давления, неоднократно прерывавшегося экосоциальными катастрофа-

- ми. См.: Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.
14. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. М., 1987. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 50—51.
15. См.: Трейвиш А.И. Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 40.
16. См.: Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика. М., 2003. С. 593.
17. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 39—41.
18. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. С. 53—65; Также см.: Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Российская история... С. 555—571.
19. См.: Соколов А.К. Природно-демографические факторы в российской истории... С. 37; Горичева Л.Г. К вопросу о целостности и типе национального хозяйства России и Запада // Экономическая теория на пороге XXI века – 2. М., 1998. С. 643; Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России. С. 10—38; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997; Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 163—194; Sumner В.Н. Survey of Russian History. L., 1966. P. 1–46; Роуни Д. Региональные различия эпохи индустриализации в России // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 125—144.
20. См.: Соколов А.К. Природно-демографические факторы в российской истории... С. 36—37.

Попп И.А.
(Екатеринбург)

Становление мировой юстиции в Пермской губернии (1873–1893 гг.): организационный аспект

В конце 1872 г. Государственный совет утвердил положения о введении мировой юстиции в Пермской губернии (1). При этом Министерство юстиции пришло к заключению о необходимости предварительного введения одних лишь мировых судебных установлений (2). К их введению в Пермской губернии приступили уже в течение первой половины 1873 г. (3). При этом прежние уездные суды упразднились в короткий срок.

Каждый уезд представлял собой судебную мировую округ, который делился на мировые участки. Их число определялось особым расписанием (4).